
«ИСТОРИЯ ХОТИНСКОЙ ВОЙНЫ» ОВАННЕСА КАМЕНАЦИ
КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ПАМЯТНИК

АЛЕКСАНДР БОЖКО (КИЕВ)

Появление армян на территории современной Украины датируют XI–XII вв. На протяжении своего более чем длительного пребывания на украинских землях они оставили после себя богатое материальное и духовное наследие. Речь идет о многочисленных памятниках в виде культовых и гражданских сооружений, тысяч рукописных страниц, связанных с деятельностью армянских общин, преимущественно на Подолье, в Крыму и Галиции, в частности, актов местных армянских судов, церковных книг, летописей, сочинений религиозного и светского содержания, часто стихотворных. В XVI–XVII вв. при армянских монастырях действовали две известные школы средневековой книжной миниатюры – Крымская и Львовская, воспитанники которых оставили заметный след в истории тогдашнего армянского искусства. Сохранившиеся архивные материалы на древнеармянском, среднеармянском и армяно-кыпчакском, а позже – на латинском и польском языках помогают составить представление не только о расцвете, а впоследствии, в силу определенных исторических и экономических обстоятельств, о постепенном упадке десятков армянских поселений на территории современной Украины, но и доносят до нас отголоски событий, часто становившихся судьбоносными в истории украинского народа.

Отдельное место среди таких событий занимает Хотинская битва 1621 г., когда казацкие и польские войска взяли верх над превосходящей турецкой армией, которую вел на Речь Посполитую агрессивный и неуравновешенный молодой султан Осман II. По геополитическим последствиям эту победу можно было бы сравнить с Грюнвальдской битвой 1410 г., когда объединенные польско-литовско-русские силы столкнулись с военной мощью Тевтонского ордена. Как победа союзнических войск под Грюнвальдом, подорвав мощь Тевтонского ордена, остановила продвижение немецкого рыцарства на Восток, так и победа через два столетия под Хотинском фактически стала началом постепенного упадка могущественной турецкой Османской империи, покорившей на ту пору чуть ли не пол-Европы. Примечательно, что на этот раз теперь уже против общего восточного врага воевали войска, возглавляемые польским королевичем Владиславом, Великим гетманом литовским Каролушом Ходкевичем и выдающимся запорожским гетманом Петром

Конашевичем Сагайдачным, то есть, войска тех же союзников, что и два столетия назад.

Канун и течение Хотинской битвы нашли свое отображение в трех интереснейших памятниках, оставленных нам тремя заметными представителями тогдашнего украинского армянства, а именно – летописцем Авксентом, которому принадлежит значительная часть известной хроники «Камениц»¹, путешественником и писателем Симеоном Лехаца, автором «Путевых записок»² и историком Ованнесом Каменаци, оставившим после себя «Историю Хотинской войны»³. Их появление вызвано, безусловно, прежде всего значительным общественным резонансом самой Хотинской битвы, в том числе среди армянской общины, достаточно четко представлявшей, какой удар она могла бы понести в случае победы турок. Вместе с тем – это свидетельство определенного культурного уровня той общественной прослойки армянской общины, которую, с учетом особенностей эпохи, мы могли бы сегодня назвать тогдашней интеллигенцией.

Произведения эти принадлежат разным жанровым формам с точки зрения их видовой классификации. Если «Камениц» это летопись тех или иных заметных событий на Правобережной Украине, в частности, на Подолье, а также в Валахии и Молдавии с 1430 г. по 1652 г., составленная несколькими поколениями армян Каменец-Подольского на грабаре и армяно-кыпчакском языках, то «Путевые записки» Симеона Лехаца, как свидетельствует сам заголовок, принадлежат к весьма распространенной в те времена форме путевых заметок. Они рассказывают о богатом интересными наблюдениями путешествии, которое, по словам автора, он совершил в течение двенадцати лет из Львова через Турцию и историческую Армению в Палестину, с посещением Рима, Венеции и Каира, а также с описаниями событий, происходивших в Галиции и Подолье после возвращения скитальца в родные края, в том числе с описанием Хотинской битвы.

В отличие от двух первых памятников, где упомянутое событие, при всей его важности, лишь один из многих эпизодов, «История Хотинской войны» Ованнеса Каменаци – это завершённое эпическое произведение, в котором автор ставил перед собой задачу не только рассказать о длительном, изнурительном, с большими человеческими потерями для обеих сторон сражении под стенами Хотинской крепости, отчего оно и было названо «войной», но и, используя доступный автору в то время литературный инструментарий, вызвать у читателя восхищение героизмом казацко-польского войска, его самоотверженной жертвенной борьбой против превосходящих сил жестокого врага.

¹ Ղ. Ալիշանի. Տարեգրքը հայոց իշխանաց և օլախաց երկրի. – «Բազմավեպ», 1895, -9, էջ 390–393, -10, էջ 442–445, -11, էջ 487–491, -12, էջ 530–534:

² Միսկունի զարի Լեհացու Ուղեգրություն եւ Յիշատակարան, հրատ. Հ. Ն. Ալիսեան, Վիեննա, 1936:

³ Յովհաննեսու Չամեանցի Պատմություն պատերազմին Խոթինու (այսուհետև՝ Յովհաննեսու Չամեանցի), Երևան, 1964:

дать, по выражению известного исследователя украинско-армянских исторических связей Я. Дашкевича, «в литературном отношении – лучший образец каменецкого армянского летописания»⁶.

Весьма показательны в этом отношении «Вступительное слово», в котором Ов. Каменацци размышляет о том, в чем именно, по его мнению, заключается «искусство повествования», когда автору следует не только пересказывать увиденное или услышанное, но и уметь «познавать мыслью», иначе говоря – анализировать описываемые события. Он признается, что взяться за эту работу ему было непросто, полагая, что он «не только не одарен значительным талантом, но мысль моей страждущей сущности не наполнена хотя бы какими-то общими знаниями» (с. 32). При всей традиционности для древней армянской литературы подобных авторских сентенций, граничащих порой с самобичеванием, достигших, очевидно, своего апогея в «Книге скорбных песнопений» гениального поэта X в. Григора Нарекаци, они указывают на осознание Ованнесом глубины ответственности летописца за свой труд, дабы, как он подчеркивал, «не ошибиться на пути к истине» (с. 33). О серьезности его намерений в работе над «Историей» свидетельствует и то, что он считал необходимым рассказывать о событиях, имевших место, «сверяясь с чужеземными писаниями» (с. 33). То есть, обращаясь к иностранным, а в данном контексте, очевидно, было бы вернее сказать, иноязычным источникам.

По нашему мнению, «Вступительное слово» могло бы указать нам также на существование еще одной веской причины, побудившей отца Ованнеса – священника Акопа – настойчиво просить сына взяться за написание «Истории Хотинской войны», кроме, конечно, широкого общественного резонанса, который это событие вызвало. Так, сравнение произведения Ованнеса с описанием Авксентом хода Хотинской битвы на армяно-кыпчакском языке подтверждает факт использования им этого источника. Да и сам Ованнес указывает на это, сообщая: «После тщательных поисков, я наткнулся на писания одного уважаемого человека, который, будучи очевидцем этого всего, изложил историю кратко и согласно имевшим место событиям, на *другом наречии*» (с. 33, курсив наш. – А. Б.). Как уже отмечалось, в силу определенных обстоятельств, относительно которых у исследователей существуют различные мнения, большинство армян, живших на Подолье и в Галиции, пользовались армяно-кыпчакским языком, на который даже были переведены культовые книги, в частности, псалтыри, молитвенники, на нем составлялись акты армянских судов и т. д. Однако, как видим, для Ованнеса, очевидно, как и для всей его семьи, армяно-кыпчакский язык не воспринимался как родной, а был «другим», «*սյրիսիօսի բարբար*», иначе говоря – чужим. И нельзя исключать, что среди армянской тогдашней общины существовал определенный языковой антагонизм, как это мы

⁶ Я. Р. Д а ш к е в и ч. Армянские колонии на Украине в источниках и литературе XV–XIX веков. Ереван, 1962, с. 59.

иногда наблюдаем, например, между носителями разных языков внутри даже одной этнической группы. И вполне вероятно, что причиной, которая, как он пишет, «подвигла пересказать с другого на наш родной язык» «Историю Хотинской войны» (с. 33), было желание Ованнеса увековечить это событие именно на «нашем родном языке» (курсив наш.– А. Б.) – «*ի վերապահ լիզուի*» (с. 33).

Ованнес отмечал: «не намерен я показывать собственную прыть и высокопарность, чтобы добиться чьей-то похвалы, но хотел бы превзойти, как и обещал, те писания и рассказы, которыми я воспользовался» (с. 33). Можно сказать, летописец немало преуспевает в этом своем стремлении. Например, с точки зрения композиции изложения, описываемые им события подаются в определенной последовательности, а само произведение довольно четко структурировано: каждая из восемнадцати его глав посвящена отдельной теме, изложенной в заглавии, все главы имеют форму законченного повествования. Как умелый рассказчик, он старается постоянно держать читателя в поле зрения, постоянно обращается к нему, как бы считая своим единомышленником, словно ведет его через нелегкие дни испытаний, тревог и в то же время – надежд на победу. Благодаря этому, в отличие от Авксента, Ов. Каменаца добивается некой панорамности изображения, а отдельные эпизоды его повествования композиционно связаны внутренней логикой развития событий, достигающих своего наивысшего накала в описании батальных сцен, и, в конце концов, завершаются подписанием мира и триумфальным возвращением войск победителей во главе с королевичем Владиславом.

Его манере изложения чужда статика. Вот он силой своего воображения автор словно переносится в Стамбул вместе с читателем, где султан Осман II пишет грозное письмо, а точнее – ультиматум – королю Сигизмунду, а вот он уже в Варшаве, где зачитывают это его послание на Сейме среди напуганных вероятностью войны с турками вельмож, то–во Львове, Каменеце и Хотине, под стенами которого расположились польско-казацкий лагерь и турецкие многочисленные войска. Но при всем при этом в произведении присутствует определенная константа – тема противостояния, даже не казацко-польского с одной стороны и турецкого – с другой, а скорее противостояния христианско-мусульманского, и не столько религиозного, как скорее цивилизационного.

Это можно было бы назвать общей идеей произведения, так сказать той идейной концепцией, которую автор последовательно воплощает от первой до последней страницы своего повествования. Она зримо просматривается и в описанных им эпизодах Хотинской кампании, особенно батальных, и в изображении Ованнесом исторических, хотя и несколько мифологизированных фигур, и, наконец, в его рассуждениях о добре и зле. Иначе говоря, он ставил перед собой задачу не только пересказать факты, связанные с Хотинской битвой, но посредством слова

нарисовать в читательском воображении картину справедливой борьбы против безжалостных захватчиков, в которых за душой нет ничего, кроме грубого стремления поработить христианские народы.

Безусловно, как воспитанный на Священном писании сын каменец-подольского армянского священника, Ованнес постоянно обращается к Библии, – текст «Истории Хотинской войны» изобилует ссылками и цитатами из нее, хотя и не всегда дословными. Но заметим при этом, ссылками не как на совокупность религиозно-культовых максим и неоспоримых истин, а, скорее, как на высший нравственный и моральный авторитет, который призван подтвердить в первую очередь справедливость той борьбы, которую ведут совместно христианские силы, а следовательно – тогдашнее цивилизованное общество.

К тому же словесно-изобразительные средства, к которым обращается Ованнес, композиционное построение произведения, манера письма – все это также указывает на немалый опыт знакомства автора «Истории Хотинской войны» с существующей на ту пору светской литературой, не говоря уже об имеющей вековые традиции армянской историографией. Да и во врожденной литературной одаренности ему не откажешь. Особенно это проявляется в его речи, часто образной, с меткими сравнениями и эпитетами, к которым он обращается дабы выделить тот или иной персонаж или подчеркнуть свое отношение к нему. Хорошо зная эмоциональное воздействие слова, он, например, турецкого султана Османа II уничижительно сравнивает с кувшином, наполненным гибелью или со змеями и аспидами, которые пытаются «своим смертоносным ядом ужалить невинных» (с. 43). Турки у него «расположились на высоком холме.., словно темное облако, а многочисленные толпы неверных расплзлись вокруг, покрыв доли и поля, как саранча» (с. 69).

Описывая действия казацко-польского войска, Ов. Каменацци в основном сосредоточивает внимание читателя на их отваге и героизме, зачастую противопоставляя их туркам, обращаясь нередко при этом к гиперболе, стремясь таким образом вызвать у читателя положительный эмоциональный эффект. «И такими смелыми подвигами отличилось в тот день казацкое войско, что ужас охватил всех язычников, и даже сам султан Осман со всеми своими министрами проникся страхом» (с. 50).

В целом, участию украинских казаков в Хотинской битве Ованнес в своем произведении уделяет внимание уже начиная с пятой главы, повествующей «О том, как королевич отправился в армию и о прибытии казаков». Два сравнительно небольших пассажа в конце главы дают характеристику ситуации с привлечением казацкого войска, из которой возникает довольно драматическая картина. «В один из дней в четверг

прибыл русский⁷ военачальник по имени Бородавка и с ним 15 000 комонных казаков, которых называют запорожцами. И случилось им в дороге войско татар и турок, и восемь дней они сражались упорно с ними, убили силистрийского пашу Гюсейна и многих других ... А еще четыре тысячи казаков были направлены военачальником за добычей в отдаленные края, и которые так и не вернулись, потому что нечестивое племя турецкое напало на них и всех перебило. За все это войско свело счета с Бородавкой, о чем я расскажу в другом месте» (с. 47).

Перипетии, связанные с походом Бородавки в Молдову накануне Хотинской битвы, как известно, завершились казнью гетманом Петром Сагайдачным, суровым и нетерпимым к своим оппонентам, мятежного и несговорчивого казацкого предводителя и его соратников, о чем Ованнес действительно напишет, как и положено умелому рассказчику, позже, так сказать, для сохранения в изложении интриги. Но казацкая тема будет всплывать затем в его повествовании уже постоянно, приобретая все новые и новые подробности и детали, которые словно призваны подтвердить огромный вклад, сделанный украинским казачеством в победу в этой, поистине, битве народов. Недаром на поле боя с превосходящими силами противника им определили центральный, наиболее опасный участок расположения союзнических войск. Тем более, что, по различным оценкам, казаков в Хотинской битве принимало участие около 40 тысяч, в то время как польская армия вместе с немецкими и венгерскими наемниками составляла около 30 тысяч воинов.

Какими же предстают казаки со страниц произведения древнего историографа-армянина?

Прежде всего, они опытные воины, наделенные не только ловкостью в бою и смелостью, но и военной хитростью, немалой выдержкой, а, следовательно, и соответствующей воинской дисциплиной, умением нанести удар в удобный момент. «А поскольку казацкий народ отличается незаурядной ловкостью [в военном деле] и хитростью, – отмечает Ованнес, – то они выступили не раньше, чем наступил вечер, а враг [между тем] истощился, бросаясь весь день то сюда, то туда» (с. 50).

Действительно, из истории казацких войн известно, что активная оборона в сочетании с неожиданными стремительными контратаками, способными ошеломить любого противника – характерная особенность ведения боя запорожскими казаками. Так было и в ту субботу 4 сентября. Ованнес продолжает: «А в девятнадцатом часу все казацкое войско выступило на врага и, осенив себя крестом, принялось громить иноверцев, пока те не выдержали и, развернувшись вспять, обратились

⁷ В армянских средневековых летописях Украина упоминается как Русия, а украинцы – русами, в то время как Россия именуется Московией, а ее жители – москвитами.

в бегство. А казаки, преследуя, избивали их беспощадно, так что многочисленными ихними мертвыми телами покрылась вся земля» (с. 50).

Армянский летописец не ограничивается изображением этого победного для казаков боя, а, воспользовавшись своим правом рассказчика, не упускает случая поведать и о его последствиях для врага. Из его слов выясняется, что грозных турок, перед которыми, казалось бы трепетал весь мир, так ошеломил разгром их казаками, что они несколько дней кряду не могли прийти в себя, «находясь в скорби от тех потерь, понесенных в тот день» (с. 50). Далее автор вводит также тему личного противостояния султана Османа II с казаками, которого они, судя со слов автора, донимали более всего. Он посылает против них все новые и новые войска, можно сказать, свои элитные части, стремясь прежде всего разбить именно их. Тем самым Ованнес словно недвусмысленно указывает на громадную роль казацкого войска в ходе битвы, когда они вынуждены были принимать на себя основной удар вражеского войска.

Своеобразным ответом казаков на такое «внимание» к себе султана стала тактика их ночных вылазок во вражеский стан, которая не только наводила на турок ужас, но и изрядно деморализовывала противника. Особенно привело в ярость Османа II дерзкое ночное нападение казаков на турецкий гарнизон, охранявший стратегически важный объект – мост через реку Днестр. «Неподалеку от мостов затаились две тысячи турок, которые на ту пору спали, – пишет Ованнес. – Это были отряды Карагисар-паши и Али-паши. Заметив это, казаки неслышно напали на них и всех, кто был в шатрах, перебили, не оставив в живых никого. Только одного арапа, принадлежавшего паше, передали в дар королевичу, а добычу разделили между собой» (с. 60).

Здесь следует отметить, что захват военной добычи был в то время явлением обычным как в турецком войске, так и в европейских армиях, не гнушались этим и казаки. Более того, одно из условий, которое руководство Речи Посполитой выдвинуло им накануне Хотинской кампании, заключалось в том, что казацкое войско само обеспечивало себя провиантом и боеприпасами, в отличие, скажем, от польской армии, где поставки были централизованы. И это стало, между прочим, одной из причин похода Яцка Бородавки в Молдову, с чем он в конце концов так и не справился, столкнувшись с превосходящими турецкими силами и оставив тем самым казачье войско без фуража.

Примечательно, что описывая бедственное положение с продовольствием, в котором оказались союзнические войска, и невероятную дороговизну в их лагере вследствие того, что татарская конница перерезала практически все пути снабжения, Ованнес замечает, что ситуация могла бы быть еще хуже, если бы не казаки. «Но мясо в лагере, – пишет он, – стоило не так дорого, потому что казаки ежедневно выбивались ночью из лагеря, неожиданно нападали на турок и, перебив их,

пригоняли в лагерь как добычу множество скота, который потом продавали илахам (т. е. полякам.– А. Б.) за достаточную цену» (с. 74).

Сквозь эти строки просматривается один важный момент, проливающий свет на сложную картину взаимоотношений в тогдашней Речи Посполитой между господствующим слоем польской шляхты и украинским населением, выразителями которого выступают казаки. Являясь представителем национального меньшинства, каким являлись армяне в тогдашней Речи Посполитой и уже в силу этого будучи подчеркнута толерантным к власти, автор, не задаваясь такой целью, невольно все же акцентирует на том, что казаков и поляков, то есть польскую шляхту, разделяли серьезные противоречия. Ведь при всех их союзнических отношениях и согласованных военных действиях против общего врага, при их общей принадлежности к христианскому миру, это были, по существу, как следует при внимательном чтении «Истории Хотинской войны», различные общественные формации, которые, в данном контексте, имели к тому же отдельные вооруженные силы, разные, так сказать, системы их обеспечения.

В упоминавшейся уже нами «Каменецкой хронике» Авксента есть красноречивый эпизод, где описывается, как после поражения под Цецорой в 1620 г. во время отступления польско-казацкое войско сумело все-таки организовать сопротивление, которое татарам одолеть было не под силу, хотя каждый день, как пишет Авксент, «погибало до тысячи татар. Но вот на расстоянии около полверсты от Днестра наше войско остановилось на ночлег,— продолжает летописец.— Среди поляков и казаков вспыхнули распри, начали они нападать друг на друга. А к тому времени неверные уже ... не рассчитывали чего-то добиться, а многие из них даже отстали, только Хантемир-мурза с 12 тысячами татар был поблизости. И когда он услышал, что в лагере начался раздор, то сразу с теми 12 тысячами напал на лагерь и прорвал его ... [Наши] в панике начали разбегаться – и кого зарубили, кого схватили живьем, кто утонул в Днестре ... А канцлеру Жолкевскому отрубили голову»⁸.

Выводы из этого разгрома, во время которого погиб также отец будущего гетмана Украины Богдана Хмельницкого, а сам он попал в плен, Речь Посполитая сделала, пригласив в Хотин мощное казацкое войско, во главе которого стоял гетман П. Сагайдачный – «смелый и отважный муж», как о нем отзывался Ованнес (с. 56). А чтобы поощрить казаков, накануне Хотинской кампании П. Сагайдачному в Варшаве было обещано уравнять в правах украинское население с польским, предоставить больше привилегий казакам. Но лишь умолкли победные фанфары, как это уже бывало раньше, об обещанном забыли. К тому же герой Хотина гетман П. Сагайдачный вскоре умер от полученной в бою с турками раны. Притеснения же украинского населения со временем так усилились, что это, в конце концов, через двадцать с лишним

⁸ Кам'янецька хроніка.– «Жовтень». Киев, 1985, № 4, с. 96.

лет привело к освободительной войне украинского народа 1648–54 гг. во главе с гетманом Богданом Хмельницким.

Свидетельства об этом кровавом, полном трагических событий противостоянии двух славянских народов, между которыми так много общего, в том числе и победа в знаменательной Хотинской битве 1621 г., благодаря которой Европа была спасена от турецкого нашествия, нам также доносят созданные на украинских землях армянские письменные источники.

ՀՈՎՀԱՆՆԵՍ ԿԱՄԵՆԱՏՈՒ «ՊԱՏՄՈՒԹԻՒՆ ՊԱՏԵՐԱԶՄԻՆ ԽՈՒԹԻՆՈՒ»-Ն ՈՐՊԵՍ
ԴԱՐԱՇՐՁԱՆԻ ՓԱՍՏԱԹՈՒՂԹ ԵՎ ՊԱՏՄԱԳՐԱԿԱՆ ՀՈՒՇԱՐՁԱՆ

ԱԼԵՔՍԱՆԴՐ ԲՈՅԿՈ (ԿԻԵՎ)

Ա մ փ ն փ ու մ

Ժամանակակից Ուկրաինայի տարածքում հայերի երևան գալը թվագրվում է XI–XII դարերով: Ուկրաինական հողում իրենց բնակության ընթացքում նրանք նյութական ու հոգևոր՝ մասնավորապես գրավոր հարուստ ժառանգություն են թողել: Հին հայերենով (գրաբարով), ինչպես նաև հայ-դիպչադերենով, հետագայում լատիներենով ու լեհերենով գրված այդ հուշարձանները լույս են սփռում Պոդոլյեի, Դրիմի, Գալիցիայի հայկական բնակավայրերի կյանքի վրա, պատմում այն իրադարձությունների մասին, որոնք շրջադարձային են համարվում ուկրաինական պատմության մեջ: Այդպիսի գրավոր հուշարձանների կողքին առանձնակի տեղ է գրավում XVII դարի առաջին կեսի տարեգիր Հովհաննես Կամենացու՝ գրաբարով գրված «Պատմություն պատերազմին Խոթինու» քերթվածքը, որը նկարագրում է Խոտին ամրոցի մոտ (Չերնովցիի մարզ, Ուկրաինա) 1621 թ. տեղի ունեցած ճակատամարտը, որում ուկրաինական կազակների և լեհական բանակի միացյալ ուժերը կասեցրին թուրք սուլթան Օսման II-ի բանակի առաջխաղացումը դեպի Եվրոպա: Հեղինակը մանրամասն նկարագրում է արյունահեղ ճակատամարտը, որին երկուստեք ավելի քան երկու հարյուր հազար մարդ են մասնակցել: Այդ ստեղծագործությունը Հովհաննես Կամենացու գրական անուրանալի տաղանդի վկայությունն է: Վերջինս իր քահանա հոր հորդորով ջանացել է պատմական այդ նշանակալի իրադարձության մասին պատմել «ի մերասերն լեզու»-ով: Կազակները և լեհերի հերոսությունը նկարագրելիս նա բացասական լույսի տակ է ներկայացնում թուրքերի գործողությունները՝ դրանով, ինչպես նա է համարում, իր վերաբերմունքը ցույց տալով Օսմանյան կայսրության ռազմատենչ քաղաքականության հանդեպ, որը եվրոպական քրիստոնյա պետությունների համար լուրջ սպառնալիք էր:

“THE HISTORY OF THE HOTYN WAR” BY HOVHANNES KAMENATSI
AS A DOCUMENT OF THE EPOCH, HISTORICAL AND LITERARY RELIC

ALEXANDER BOZHKO (KIEV)

S u m m a r y

The appearance of Armenians in the territory of the contemporary Ukraine dates back to the 11th12th centuries. They left a significant material and spiritual heritage during their stay on

Ukrainian lands, particularly numerous written relics. Written in the old Armenian language (Grabar), as well as in Armeno-Kipchak, and later on in Latin and Polish, those scripts not only highlight the lives of the Armenian settlements in such well-known trade and cultural centers as Podolye, Crimea, Galicia, etc., but also mention crucial events of the history of the Ukrainian people. The work of the chronographer of the first half of the 17th century Hovhannes Kamenatsi "The History of the Hotyn War", written in Grabar, possesses significant place among other scripts of such nature. It describes the Hotyn Fortress battle of 1621 (the region of Chernovtsy, Ukraine), where the united troops of Ukrainian Cossacks and Polish army stopped the advance of the prevailing forces of the Ottoman Empire led by Sultan Osman II to Europe. The work describes in details the bloody battle, in which around 200 thousands of people participated on both sides. It also proves the extraordinary literary talent of Hovhannes Kamenatsi, who upon the request of his father, priest, thrived to deliver this significant event in "our native language". Depicting the heroism and braveness of the Cossacks and Polish troops, the author negatively describes the actions of the Turks. Thus he shows his attitude towards, as he considered, aggressive policies of the Ottoman Empire, which posed at that time a serious threat to the European Christian states.